

М. В. Филёв

**ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ
КОЛХОЗНИКОВ В 1946 – 1991 ГОДАХ
(на примере колхоза «Новая жизнь»
Правдинского района Калининградской области)**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 30.09.2024 г.

Принята к публикации 03.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7

63

Для цитирования: *Филёв М. В.* Партийно-государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств колхозников в 1946 – 1991 годах (на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 63 – 77. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7.

На основе неопубликованных архивных материалов в рамках микроисторического подхода на примере сельхозпредприятия «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области изучается послевоенная партийно-государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников с целью определения особенностей ее осуществления на уровне конкретного колхоза, а также выявления отношения самих колхозников к этой политике. Представлен анализ касавшихся личных хозяйств постановлений партии и правительства и форм их реализации районным и колхозным начальством. Рассмотрен вопрос об изменении степени значимости подсобных хозяйств для колхозников в 1946 – 1991 гг. Сделан вывод о том, что на протяжении исследуемого периода произошла трансформация позиции советского руководства применительно к ЛПХ: если годы позднего сталинизма и хрущевской оттепели характеризовались практически непрерывным наступлением на подсобные хозяйства колхозного крестьянства, то начиная с брежневских времен их стали рассматривать как «союзника» общественного производства, принимая определенные меры по их поддержке. Несмотря на это, заметная доля колхозников отказалась от ведения ЛПХ, что было обусловлено, помимо прочего, предполагаемой возможностью возобновления «наступательного» курса.

Ключевые слова: сельское хозяйство, колхоз, личные подсобные хозяйства колхозников, Калининградская область, микроистория

Отечественные историки неоднократно прибегали к изучению послевоенной политики государства и партии в отношении личных под-

собных хозяйств (ЛПХ) колхозников. В рамках краткого историографического обзора удастся назвать лишь самую малую часть этих научных изысканий.

М. А. Безнин и Т. М. Димони отмечают происходивший на селе процесс «раскрестьянивания», сопровождавшийся в том числе «сокращением до минимума хозяйствования на своем подворье» [3, с. 604] и «превращением колхозников из внешнеэкономическими (по преимуществу) методами эксплуатируемых крестьян в наемных работников» [4, с. 228].

По мнению О. Р. Хасянова, одним из итогов сталинской аграрной политики стало то, что колхозники были вынуждены «спасаться от голодной смерти лишь тем, что давало подсобное хозяйство» [45, с. 391]. О. М. Вербицкая, анализируя «хрущевское наступление» на ЛПХ, указывает на «далеко идущие» негативные последствия этого процесса для крестьянских семей [6, с. 73]. Л. Н. Денисова считает, что в постхрущевский период власти лишь формально отказались от «ограничений и притеснений частного сектора», фактически же эта политика сохранялась [10, с. 98].

В региональной историографии тема ЛПХ нашла отражение в трудах Ю. В. Костяшова [18; 19], пришедшего к выводу, что в годы «позднего сталинизма» подсобное хозяйство «оставалось единственной гарантией обеспечения крестьянской семьи жизненными ресурсами» [18, с. 75]. П. П. Полх рассмотрел роль ЛПХ колхозников в структуре заготовок сельхозпродуктов Калининградского сельского района в первые послевоенные годы [36]. В. Н. Маслов, Е. В. Баранова и М. М. Лопатин обратились к вопросу обеспеченности личным имуществом первых сельских переселенцев в область [23]. Один из разделов статьи автора настоящей работы о колхозе «Большевик» («Поречье») в годы «оттепели» посвящен «хрущевскому наступлению» на подсобные хозяйства колхозников [44, с. 79–82].

Все перечисленные труды калининградских историков ограничиваются периодом 1946–1964 гг. Изучение дальнейшего курса советских властей в отношении ЛПХ практически не велось. Исключением является коллективная монография «История сельского хозяйства Калининградской области», где продемонстрирована общая картина его реализации в Янтарном крае [14].

В настоящей статье, являющейся частью микроисторического исследования колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области, не только анализируется партийно-государственная политика в отношении ЛПХ на протяжении всей послевоенной советской истории, но и представлена попытка выявления особенностей ее реализации на локальном уровне, а также рассмотрено восприятие колхозниками происходивших в течение этого времени изменений.

Исследование базируется на неопубликованных материалах Государственного архива Калининградской области [8] и Архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ» [2] (протоколы общих собраний колхоза «Новая жизнь», заседания его правления и первичной партийной организации; документы из фондов Пореченского сельсовета, Правдинского райкома партии).

Выбор сельхозартели «Новая жизнь» (основана в 1946 г. под названием «Большевик») обусловлен как хорошей сохранностью источниковой базы, так и ее типичностью для региона — практически всю свою историю колхоз пребывал в статусе «середняка», соответствовал среднеобластным показателям по земельной площади и числу дворов.

«Люди больше болеют за личное, чем за общественное»

Вопрос о площади приусадебных участков решался на общем собрании в октябре 1946 г. Глава «Большевика» Суворов напомнил колхозникам положение «Примерного устава сельхозартели» 1935 г., согласно которому размер личного надела варьировался в диапазоне от 0,25 до 0,5 га [39], при этом обозначив позицию, вероятно, транслируемую «сверху» — наделить колхозников участками по 0,35 га. Член правления Жуков рекомендовал поддержать предложение председателя, но колхозник Болобешко призвал увеличить площадь до максимально разрешенной (0,5 га), за что в итоге и проголосовало большинство [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 1, л. 4].

Формирование колхозов в Калининградской области происходило на фоне всесоюзной кампании против «расхищения общественных земель», начавшейся еще в предвоенные годы [см. подробнее: 11] и раскрученной с новой силой постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г., которое предписывало противостоять «самовольным захватам или незаконным прирезкам... в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному» посредством проверок, выявленные в ходе которых «незаконно захваченные земли» возвращали в общественный фонд [31].

По результатам прошедших в 1949 г. в 147 колхозах Калининградской области проверок было выявлено 6173 га «незаконно присвоенных земель» [18, с. 71]. В «Большевике» подобные эпизоды также имели место. В июне 1948 г. стало известно о захвате школьного приусадебного участка в 15 соток председателем ревизионной комиссии (!) коммунистом Я. Колхозные партийцы подтвердили, что Я. «общественное променял на свой участок», а его супруга «торгует на базаре» и «занимается агитацией против колхозного строя». Фигурант дела вины за собой не увидел, а присвоение участка объяснил тем, что школа его не использовала и «поэтому захвата нет». Член партии Я. получил выговор [8, ф. П-145, оп. 1, д. 1, л. 27 — 28], а вот дальнейшая судьба земельного надела в источниках отражения не получила.

Случай Я. оказался не единственным, зафиксированным в источниках. Так, в 1952 г. колхозник С. присвоил 0,5 га колхозной земли, а П. был уличен в активном разведении овец, которых у него оказалось на 7 голов больше, чем разрешалось уставом [Там же, д. 2, л. 17 об.].

Выдачи сельхозпродукции на трудодни в первые послевоенные годы не обеспечивали даже минимальных потребностей колхозников, из-за чего они прибегали к «отходничеству» или отдавали приоритет труду в ЛПХ. В прессе и на собраниях таких артельцев именовали «дезорганиза-

торами производства» или «околоколхозниками», непременно уточняя, что они не трудились в колхозе, но пользовались «всеми правами и льготами колхозников-переселенцев» [см., напр.: 15; 42].

Едва ли не главным в повестке собраний этого периода стал вопрос о соотношении занятости членов колхоза в общественном и личном хозяйствах. «Люди больше болеют за личное, чем за общественное», — заявил в ноябре 1951 г. председатель «Большевика» Старовойтов [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 9, л. 73 об.]. Интересно, что в авангарде этого нередко оказывались и партийцы, и представители правления (в том числе и сам Старовойтов). Так, в июне 1952 г. в «Колхозной правде» рассказывалось, как конюх Соколов и пастух Галуза труду в колхозе предпочли обработку личного участка Старовойтова, за что получили вознаграждение в виде двух мешков картофеля [16]. Годом ранее тогдашний председатель Филиппчик и бригадир Ащеулов «первыми начали косить себе сено на сенокосилках» [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 9, л. 56 об.].

Районные и областные начальники побуждали правление «принимать самые суровые меры» [Там же, л. 53 об.] к нарушителям устава, но оно старалось ограничиваться предупреждениями или штрафами в 3–5 трудодней [см., напр.: Там же, л. 21]. Сравнительная мягкость объясняется и нуждой артели в рабочих руках, из-за чего исключение было нерациональным (минимум трудодней все же выработывала большая часть колхозников), и тем, что представители управленческого состава колхоза сами также не всегда соблюдали устав.

Протоколы собраний за 1946–1953 гг. сохранили лишь несколько случаев применения правлением строгих санкций. Так получилось с семьей С., которую обвиняли в торговле на рынке продукцией с приусадебного участка в рабочее время и распространении слухов о том, что правление «не дает хлеба», вследствие чего часть колхозников отказалась работать. Семью лишили приусадебного участка и всех переселенческих льгот [Там же, д. 1, л. 41; ф. П-145, оп. 1, д. 1, л. 9 об.].

От уступок к новому наступлению

В постсоветской историографии возобладала точка зрения о кризисном положении в советской деревне конца 1940-х — начала 1950-х гг. Например, В.П. Попов отмечает, что экономическая политика государства была направлена на нещадную эксплуатацию деревни, а «продажа продуктов на рынке часто была для сельского населения единственным способом добывания денег для уплаты налогов и займов» [38, с. 279].

В конце сталинской эпохи заметно выросло налогообложение ЛПХ — с 1949 по 1952 г. в СССР средний размер налога на один колхозный двор увеличился с 419 до 528 руб. [26, с. 298]. В начале 1953 г. Сталин под предлогом «богатой жизни крестьян» выдвинул инициативу обложить колхозы и колхозников дополнительным налогом [11, с. 159]. Это диссонировало с реальным положением дел — общая задолженность населения страны по сельхозналогу к 1953 г. составляла около 0,5 млрд руб. [37, с. 51].

Вскоре после смерти «вождя народов» новое руководство предприятия комплекс мер по преодолению «запущенного состояния» [21, с. 12]

сельского хозяйства, которые касались и ЛПХ. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков заявил о намерении «изменить неправильное отношение, сложившееся у нас к ЛПХ колхозника». Изменений предполагалось достичь благодаря снижению норм обязательных поставок с личных хозяйств крестьян, уменьшению денежных налогов с каждого двора примерно в два раза и полному снятию недоимок по сельхозналогу [Там же, с. 14 – 15].

Тем самым были намечены контуры преобразований, утвержденных постановлением сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. На пленуме Н. С. Хрущев говорил о губительности политики ущемления личных интересов колхозников в их подсобном хозяйстве, но указал на временный характер существования ЛПХ, которое «необходимо, пока общественное хозяйство колхоза еще недостаточно развито» [46, с. 9]. Тем не менее на протяжении некоторого времени Хрущев играл роль защитника ЛПХ [11, с. 160]. Одним из главных послаблений «хрущевского десятилетия» можно считать отмену с 1 января 1958 г. обязательных поставок сельхозпродуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих [27].

В Правдинском районе в 1956 г. была проведена инициированная райисполкомом кампания по привлечению горожан в колхозы (в том числе в «Большевик») [8, ф. Р-205, оп. 3, д. 39, л. 10]. Рабочих и служащих мотивировали переселяться в сельскую местность, обещая обеспечение жильем, освобождение от обязательных поставок государству всех продуктов, кроме молока (за два года до принятия схожей меры в масштабе страны), и выделение ссуды на приобретение коровы [25]. Затея не увенчалась успехом, обещанные дома возводили медленно [8, ф. Р-205, оп. 3, д. 43, л. 14], а количество трудоспособных колхозников в изучаемом колхозе в 1956 и 1958 гг. осталось идентичным (по 220) [Там же, ф. Р-139, оп. 9, д. 591, л. 37 об.; д. 780, л. 145 об.].

Новые веяния в отношении ЛПХ руководство «Большевика» воспринимало настороженно. В сентябре 1955 г. глава колхоза Старовойтов назвал налоговые послабления подспорьем для «недисциплинированных» [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 2, л. 105 – 105 об.], то есть для крестьян, предпочитавших общественному труду работу на личном подворье. В январе 1956 г. Старовойтов вновь резко высказался о «нерадивых» колхозниках и поручил местным коммунистам привлечь их к колхозной работе [Там же, д. 3, л. 6].

Критические высказывания на собраниях не всегда подкреплялись конкретными мерами. Выбиваются из общего ряда события мая 1955 г., когда было отдано беспрецедентное для артели распоряжение о сокращении площади наделов сразу 12 колхозников с 0,5 до 0,25 га в связи с их «потерей связи с колхозом» [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 22, л. 18 об. – 19]. Но следует учитывать, что решение принималось в отношении прибегнувших к «отходничеству» лиц, бывших членами колхоза лишь номинально. «Руководители колхоза не хотят “обижать” тех, кто уваливает от коллективного труда», – констатировал автор газетной публикации в декабре 1955 г. [24].

Возобновление партийно-государственного противоборства с ЛПХ не заставило себя долго ждать. В. Н. Мамяченков и В. П. Мотревич счита-

ют, что оно началось с принятого в августе 1956 г. постановления Совета министров СССР «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» [22, с. 56], запрещавшего «скармливание скоту и птице хлеба, муки, крупы, картофеля и других... продуктов, покупаемых в государственных и кооперативных магазинах» [30].

Попыткой борьбы с ЛПХ можно считать и вышедшее несколько ранее, в марте 1956 г., постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», требовавшее «не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению» и урезать личные участки лиц, принимающих «недостаточное трудовое участие в общественном хозяйстве артели». Эти меры, со ссылкой на «многочисленные письма от колхозов и колхозников», объяснялись желанием избавиться от прослойки «нерадивых колхозников», которые «раздувают свое личное хозяйство в ущерб общественному» [13, с. 450–451]. С.Н. Андреев расценивает данный акт как введение государством своих правил игры «под вывеской демократических процедур» [1, с. 75].

В «Большевике», руководствуясь этими рекомендациями, для упорядочения площадей участков и количества скота в личном пользовании организовали комиссию [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 24, л. 13 об.]. Это соответствовало общесоюзному тренду — в 1956 г. по всей стране проводилась «обрезка» личных земельных наделов колхозников, но сокращения оказались минимальными [6, с. 69].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. давление на подсобные хозяйства усилилось. Их ограничением предполагалось разрешить обострившуюся проблему недостатка кормов [14, с. 18–19]. При реализации кампании «Догнать и перегнать США» широко использовалась практика изъятия скота и птицы из ЛПХ в счет поставок колхозов и совхозов государству [17, с. 106].

Местные власти, приспосабливаясь к колебаниям партийно-государственной политики, действовали противоречиво, смягчая или ужесточая принятые на самом высоком уровне решения [7, с. 222]. Конец 1950-х гг. стал временем вынужденной сдачи, продажи и убоя скота, находившегося в личном пользовании колхозников [6, с. 73], но руководители «Большевика», который в 1957 г. был переименован в «Поречье» [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 27, л. 46], пытались минимизировать потери колхозников. И хотя в колхозе организовали инспекции ревкомиссии, которой предписывалось конфисковывать «лишних» животных и взимать с нарушителей внушительные штрафы (2,5 руб. за гуся, 15 руб. за овцематку, 50 руб. за свиноматку [Там же, д. 39, л. 20; д. 44, л. 18]), на практике эти меры старались не реализовывать. Лишь отдельные партактивисты призывали усилить контроль за ЛПХ, объясняя это тем, что, невзирая на принятые решения, «много колхозников держат излишний скот, а мы этого не видим» [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 4, л. 29].

В 1961 г. в «Поречье» приняли новый устав. Колхозная семья при выработке минимума трудодней ее трудоспособными членами мог-

ла содержать одну корову, одну голову молодняка КРС (возрастом до 9 месяцев), одну свиноматку и одну голову молодняка, две овцематки и с приплодом (но не более 10 голов), птиц-кур (до 20 голов), водоплавающих птиц (до 15 голов), до пяти пчелосемей [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 40, л. 3].

Это устраивало не всех. В 1963 г. бывший глава колхоза Филиппчик на собрании по утверждению дополнений в устав, вопреки формализованному порядку единогласного одобрения, предложил увеличить количество свиноматок и разрешить продавать телят, что будет «хорошо для колхоза и колхозников». Инициативу экс-председателя позитивно восприняли некоторые другие партийцы, но секретарь парторганизации Яковлев осадил этот выпад, призвав не допустить «разбухания личного хозяйства» [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 4, л. 60]. Филиппчик отказался подписывать обновленную версию устава [Там же, л. 72], а уже в следующем году он, впервые за длительное время, не был избран в состав правления колхоза.

Устав 1961 г. запрещал увеличение личного земельного фонда и предусматривал предельный размер приусадебного участка в 0,3 га для новых членов колхоза (прежде было 0,5 га). Участки лиц, проживавших на территории колхоза, но не работавших в нем, сокращали вдвое. Правление имело право изъять или сократить земельный надел в случае его запущенности или невыработки колхозником минимума трудодней [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 40, л. 1–2]. Захват общественных земель карался в соответствии с п. 1 ст. 199-й Уголовного кодекса РСФСР (исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года или штраф до 300 руб.) [43]. С другой стороны, желавшие развивать садоводство могли получить дополнительную сотку земли [Там же, л. 2].

В хрущевские годы была зафиксирована политическая установка на ограничение ЛПХ как важнейшего источника доходов [3, с. 161], но для колхозников оно все равно оставалось таковым. О. М. Вербицкая приводит статистику, согласно которой в начале 1960-х гг. на колхозных рынках РСФСР в среднем в день торговало около 250 тыс. человек [6, с. 68]. Источниковая база не позволяет представить данные по Правдинскому району, но тему торговли колхозниками продуктами из ЛПХ вместо общественного труда регулярно поднимали в районной прессе и на собраниях. Например, в 1956 г. директор Правдинской МТС Кузин на страницах газеты выразил недовольство представителями подшефных артелей (включая «Большевик»), которые вместо выполнения «первой заповеди», то есть сдачи сельхозпродукции государству, занимались ее реализацией «на стороне и на рынке» [20].

На вводимые в отношении ЛПХ ограничения колхозники отвечали использованием общественного имущества в собственных целях. Приведем лишь несколько примеров. Введенный в конце 1950-х гг. во многих колхозах страны запрет на выпас личного скота на общественных пастбищах [6, с. 73] постоянно нарушался колхозниками, штрафы их не останавливали [см., напр.: 8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 32, л. 18, 34]. Члены колхоза забирали для домашнего скота колхозное сено [9], а доярка Соловьева и вовсе разместила свою корову в колхозном сарае, где кормила ее в приоритетном порядке [33]. В 1956 г. правление наложило вето на исполь-

зование колхозных лошадей в рабочее время на личных участках, что не мешало крестьянам нарушать это правило. Впрочем, такое поведение было характерно и для самих руководителей колхоза [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 24, л. 5 об., 25 об.].

Новый курс?

Характеризуя аграрную политику советских лидеров, Р.Г. Пихоя выделил закономерность, согласно которой новое руководство всякий раз начинало с «резкой критики состояния сельского хозяйства и с уверенний, что уж на этот раз все проблемы будут решены, естественно — на путях дальнейшего укрепления колхозно-совхозного строя» [34, с. 168]. Такая ситуация произошла и после отставки Н.С. Хрущева.

70

На мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев представил доклад «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» [5]. По итогам пленума было принято постановление с соответствовавшим брежневскому докладу названием, а в течение следующих недель появился еще ряд актов, предусматривавших шаги по улучшению положения дел в колхозах и совхозах СССР [см. подробнее: 41, с. 605—613].

Некоторые изменения претерпела и политика в отношении ЛПХ, итогом предыдущего этапа которой оказалось сокращение потребления продуктов питания всеми категориями населения и значительный рост цен (на 37—58 %) на продукты животноводства [10, с. 98]. В ноябре 1964 г. бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмин РСФСР приняли постановление, отменявшее необоснованные ограничения «норм содержания скота и размеров приусадебных земельных участков колхозного двора» [41, с. 517].

За неделю до мартовского пленума в правдинской районной газете «Верный путь» появилась статья, в которой прежние ограничения были названы «неоправданными», «причинившими материальный ущерб благосостоянию народа». Реализовывались контрмеры, касавшиеся как селян, так и горожан. В контексте работы колхоза, помимо кредитов на приобретение коров (соответствующее постановление Совмин СССР принял в декабре 1964 г.), значимым было обязательное увеличение размеров участков проживавших в сельской местности специалистов и представителей «сельской интеллигенции» (учителей, медработников) до 0,25 га (впрочем, в уставе «Новой жизни» 1961 г. и так была закреплена эта норма [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 40, л. 2]). Также колхозу разрешалось оказывать всяческую помощь в обработке личных участков ответственно трудящимся колхозникам [35].

Эти послабления не означали отказа от постулата о временности ЛПХ и позиционирования общественного производства «как основы благосостояния советских людей» [35]. Этой линии не могло не придерживаться колхозное начальство (по крайней мере в публичном пространстве). Например, глава «Новой жизни» Тимофеев в сентябре 1965 г. объяснял низкий уровень трудовой дисциплины желанием многих колхозников работать на приусадебных участках [8, ф. П-145, оп. 1, д. 6, л. 132], а в апреле следующего года предложил решение этой проблемы в духе

«хрущевского наступления» на ЛПХ — по мнению председателя, «колхозники развели много скота и не хотят работать», поэтому его часть требовалось забрать в колхоз [Там же, д. 7, л. 57]. История не получила развития, но несколько раз на протяжении «застойной эпохи» нарушителей трудовой дисциплины и «околоколхозников» наказывали сокращением площади приусадебного участка или изъятием телят [см., напр.: Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 53, л. 22 об.].

На протяжении 1970-х гг. ЛПХ все чаще обозначали в качестве резерва для общественного производства, что было подкреплено постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 14 сентября 1977 г., подчеркнувшим важность ЛПХ для «производства мяса, молока, яиц, картофеля, овощей, фруктов и иной сельхозпродукции» [29]. Продовольственная программа 1982 г. установила задачу по расширению помощи подсобным хозяйствам [40, с. 15–16].

Это прослеживалось и на микроуровне. ЛПХ приходили на выручку «Новой жизни» для достижения плановых показателей, прежде всего в животноводстве. В 1973 г. у колхоза возникли трудности со сдачей молока государству. Председатель Кураленко увидел выход из положения в существенном увеличении объема закупок молока из личных хозяйств. Член партии Букштан в ответ пообещала «с завтрашнего дня сдавать не 3 кг молока, а 5–6 кг» и предложила «каждому коммунисту сдавать [молоко] (под «сдачей молока» имелась в виду его закупка колхозом у населения. — М. Ф.) самому и убедить своего соседа» [8, ф. П-145, оп. 1, д. 14, л. 8].

Отечественные историки отмечают сложившийся в годы «застоя» парадокс — несмотря на уступки в отношении ЛПХ, колхозники стали отказываться от их ведения [17, с. 108–109; 34, с. 250]. Тенденция была характерна также для Калининградской области [14, с. 32]. Затрагивала она и «Новую жизнь», что продемонстрировало состоявшееся в 1979 г. собрание по вопросу сокращения КРС в ЛПХ — например, в Поречье на 105 домохозяйств приходилось всего 50 коров. Глава Пореченского сельсовета Смирнов поручил разрешить проблему, выделив «лучшие пастбища» для личного скота. Колхозники просили улучшить снабжение ЛПХ комбикормами. В одном из выступлений даже прозвучало столь привычное для предыдущих десятилетий определение «нерадивые», но в отличие от времен Сталина и Хрущева, оратор применил его к колхозникам, не накопившим сена для своих хозяйств. Собрание постановило «резко увеличить скот в личном хозяйстве» [8, ф. П-145, оп. 1, д. 22, л. 21–23].

Во второй половине 1980-х гг. общая направленность политики в отношении ЛПХ не претерпела существенных изменений. В мае 1986 г. появилось постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами», в первую очередь определявшее меры по противоборству хищениям социалистической собственности, взяточничеству и спекуляциям. Помимо этого, Советы министров союзных республик получили задачу «развивать и поощрять продажу населением излишков, произведенных в ЛПХ» и «рассмотреть вопрос о снятии отдельных ограничений количества и видов продуктивных животных в ЛПХ граждан» [32].

На местном уровне (по крайней мере в «Новой жизни») трактовка постановления оказалась противоположной. Глава колхоза Дубонос в июне 1986 г. раскритиковал колхозников, содержавших больше скота, чем разрешалось уставом [8, ф. П-145, оп. 1, д. 35, л. 11 – 12]. «Провинившимся» предписывалось привести свои хозяйства в порядок к началу сентября [Там же, л. 91 – 92].

Местные власти поначалу осторожно принимали новшества перестройки и даже иногда «закручивали гайки». Это иллюстрирует, например, поведенная председателем «Новой жизни» Бакалинным на партсобрании в июле 1988 г. история одного из колхозников, которого годом ранее «раскулачили», вынудив отказаться от «лишней» коровы [Там же, д. 37, л. 107]. Тем не менее углубление перестроечных реформ изменило ситуацию, больше случаев нажима на ЛПХ членов «Новой жизни» зафиксировано не было.

В 1987 г. Совет министров СССР издал постановление «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества», появление которого объяснялось «невниманием к нуждам граждан», следствием чего стало «сокращение поголовья скота, уменьшение производства молока, мяса, овощей, картофеля и другой продукции» [28].

Определение размеров приусадебных участков и норм содержания скота передали в ведение сельских и поселковых Советов народных депутатов, колхозов и совхозов. Колхозники могли получить в аренду на длительный срок дополнительный земельный надел, чтобы реализовывать полученную с него сельхозпродукцию по договорам с хозяйствами и организациями потребительской кооперации [Там же].

«Новая жизнь» в плане реализации этого постановления оказалась в числе передовых хозяйств, за что в июле 1988 г. удостоилась похвалы первого секретаря правдинского райкома Артемьева, отметившего слом «устаревших уложений и инструкций» [8, ф. П-122, оп. 57, д. 3, л. 8].

И все же подсобные хозяйства по-прежнему вели далеко не все колхозники. На собрании в 1989 г. глава Пореченского сельсовета Братчун похвалила подворья колхозников за их продуктивность (по ее оценкам, 25 % животноводческой продукции было получено с ЛПХ), но при этом выразила недовольство тем, что в 62 хозяйствах сельяне не держали личный скот вовсе. Она просила правление заинтересовать людей ведением ЛПХ, в том числе посредством передачи им в аренду «не выбракованных, а нормальных» скота и птицы [2, ф. 28, оп. 1, д. 229, л. 49 об.].

В последние годы перед распадом СССР ситуация в стране складывалась таким образом, что к ведению ЛПХ возвращались люди, прежде отказавшиеся от них, чему способствовали нараставший дефицит и постоянно ухудшавшееся экономическое положение. Последний председатель колхоза Бакалин в интервью, называя жизнь того периода «несладкой», вспоминал, что работали на личном подворье всей семьей — «от мала до велика». Правление «Новой жизни» старалось прибегать к дополнительным мерам поддержки ЛПХ — колхозникам продавали за символическую стоимость поросят, обеспечивали осеменение коров, помогали инвентарем и техникой для обработки участков [12]. Некоторые члены колхоза, занимаясь вспашкой огородов односельчан,

получали дополнительный источник дохода. При этом практиковалось оказание помощи ветеранам, пенсионерам, нетрудоспособным людям, чьи участки старались культивировать безвозмездно [8, ф. П-145, оп. 1, д. 37, л. 141].

Характеризуя послевоенную партийно-государственную политику в отношении ЛПХ колхозников, можно выделить два этапа. Первый из них пришелся на годы «позднего сталинизма» и «хрущевского десятилетия» и выразался в постоянном давлении на подсобные хозяйства, за исключением короткого промежутка от смерти И. В. Сталина до XX съезда КПСС. Колхозное крестьянство отвечало на это попытками обхода вводимых ограничений и использования общественной собственности в личных целях. Политика местных властей (колхозное руководство, сельсовет, районные структуры), в свою очередь, была противоречивой, сопровождалась стремлением одновременно и подстроиться под «генеральную линию», и не навредить колхозникам (в случае правления колхоза — еще и самим себе). Ввиду этого принимаемые «наверху» решения могли реализовываться ими как формально, что не влекло никаких последствий для частных подворий, так и за счет применения даже более жестких мер, чем того требовало то или иное постановление.

После отставки Н. С. Хрущева был задан новый вектор в отношении ЛПХ, которые теперь позиционировали как ценный придаток к общественному сельхозпроизводству. Вместе с тем наблюдалось постепенное снижение роли подсобных хозяйств. Часть членов колхоза перестала обрабатывать приусадебные участки и содержать домашний скот и птицу, что было обусловлено рядом факторов (рост заработных плат, снявший проблему физиологического выживания крестьянской семьи; «старение» села — пожилые люди отказывались от ведения ЛПХ; кормовой дефицит), среди которых не последнее место занимало недоверие к властям — от них в любой момент ожидали нового витка наступления на подсобные хозяйства.

В годы перестройки действиям местных руководителей, вопреки партийно-государственному курсу, по-прежнему была присуща двойственность — декларируя необходимость развития ЛПХ (и принимая некоторые меры для этого), они одновременно стремились не допустить их чрезмерного раздувания, периодически прибегая к административному нажиму. Эта настороженность была разрушена уже на закате советской эпохи радикальными перестроечными реформами. В это же время в условиях тяжелого экономического кризиса вновь возросла значимость подсобных хозяйств, ставших настоящей подмогой для сельских жителей.

Список источников и литературы

1. Андреев С. Н. «Либерально-реформаторское направление» в аграрной политике Советского государства в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. №4. С. 69–78.

2. Архивный отдел администрации муниципального образования «Правдинский городской округ».

3. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014.
4. Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.
5. Брежнев Л. И. О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР : доклад на пленуме ЦК КПСС 24 марта 1965 г. М., 1965.
6. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992.
7. Гордеев И. А. Политика Советского государства в послевоенной деревне и развитие личных подсобных хозяйств крестьян // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии : материалы Всерос. конф. Вологда, 1995. С. 222–223.
8. Государственный архив Калининградской области.
9. Григорьев Ф. Подкормка необходима // Колхозная правда. 1960. 30 сент.
10. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996.
11. Зеленин И. Е. И. В. Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Документ. Архив. История. Современность. 2003. №3. С. 148–161.
12. Интервью Владимира Александровича Бакалина, бывшего председателя колхоза «Новая жизнь». Запись 15.03.2023 г. Архив автора.
13. История колхозного права : сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. М., 1958. Том 2.
14. История сельского хозяйства Калининградской области. Калининград, 2006.
15. Ковалев В. Почему в колхозе «Большевик» медленно вывозятся удобрения? // Колхозная правда. 1950. 29 янв.
16. Колосов М. Конюхи занимаются не своим делом // Колхозная правда. 1952. 13 июня.
17. Коньшев Д. Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. №3. С. 102–111.
18. Костяшов Ю. В. Личные подсобные хозяйства: из истории повседневности калининградских переселенческих колхозов (1946–1953 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 70–77.
19. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.
20. Кузин И. Усилить темпы заготовок // Колхозная правда. 1956. 24 февр.
21. Маленков Г. М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. М., 1953.
22. Мамяченков В. Н., Мотревич В. П. Производство продукции животноводства в Свердловской области в «славное десятилетие»: испытание реформами // История и современное мировоззрение. 2023. №1. С. 54–61.
23. Маслов В. Н., Баранова Е. В., Лопатин М. М. «Нам удалось перевезти мебель и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 г. // Журнал фронтирных исследований. 2022. №3 (27). С. 34–62.
24. Михайлов М. Разговоров много, а дела нет // Колхозная правда. 1955. 21 дек.
25. Непрядов И. С производства в колхозы // Колхозная правда. 1956. 24 февр.

26. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995.

27. *Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих* : постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС от 4 июля 1957 г. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/DC2LEf0BNfYIhablDR-9G> (дата обращения: 28.09.2024).

28. *О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества* : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 сентября 1987 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/xmOnmHcS5lFbSe_mhHzEn (дата обращения: 28.09.2024).

29. *О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве* : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 сентября 1977 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9425.htm (дата обращения: 28.09.2024).

30. *О мерах борьбы с расхождением из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту* : постановление Совета министров СССР от 27 августа 1956 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/_YUФр7Ejmwrm0uX7eYxdw (дата обращения: 28.09.2024).

31. *О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах* : постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/j3v2sjm9BD4bq6AO_F7s6 (дата обращения: 28.09.2024).

32. *О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами* : постановление ЦК КПСС от 15 мая 1986 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765706605> (дата обращения: 28.09.2024).

33. Павлов В. Так поступать нельзя // Колхозная правда. 1958. 17 янв.

34. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000.

35. Подсобное хозяйство, его размеры // Верный путь. 1965. 17 марта.

36. Полх П. П. Организация заготовок сельхозпродуктов в послевоенные годы на районном уровне (на материалах Калининградского сельского района Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №4. С. 80—92.

37. Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946—1953). М., 2002.

38. Попов В. П. Сталинские экономические «чудо» после войны (1946—1953) // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 2. С. 264—292.

39. *Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г.* URL: <https://e-ecolog.ru/docs/JtCVuzKC-riuaPBQiUwf3> (дата обращения: 28.09.2024).

40. *Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации.* Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1982.

41. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1962—1965 гг.)* : сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 5.

42. Суворов П. Срываю план хлебазаготовок // Колхозная правда. 1950. 15 сент.

43. *Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.* URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5160945> (дата обращения: 28.09.2024).

44. Филёв М. В. Как реформы Маленкова и Хрущева изменили жизнь колхоза «Большевик»: опыт микроисторического исследования // Крестьяноведение. 2022. Т. 7, №2. С. 68–92.

45. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2017.

46. Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на пленуме ЦК КПСС 1953 г. М., 1953.

Об авторе

76

Максим Викторович Филёв — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4217-6197

E-mail: tsvachim03@mail.ru

M. V. Filev

**THE POLICY OF THE STATE
AND THE COMMUNIST PARTY IN RELATION
TO THE PERSONAL HOUSE FARMING IN 1946–1991
(the case of the collective farm «Novaya zhizn», Pravdinsky district,
Kaliningrad Oblast)**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 30 September 2024

Accepted 03 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7

To cite this article: Filev M. V., 2025, The policy of the state and the Communist Party in relation to the personal house farming in 1946–1991 (the case of the collective farm «Novaya Zhizn», Pravdinsky district, Kaliningrad Oblast), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 63–77. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7.

Based on unpublished archival materials and employing a microhistorical approach, this article examines postwar party and state policies toward the personal house farming (PHFs) of collective farmers, using the agricultural enterprise Novaya Zhizn in Pravdinsky District of Kaliningrad Oblast as a case study. The aim is to identify the specific features of policy implementation at the level of an individual collective farm and to analyze the attitudes of the collective farmers themselves toward this policy. The article presents an analysis of party and government decrees concerning personal farms, as well as the forms in which these policies were implemented by district and kolkhoz leadership. It explores the changing significance of PHFs for collective farmers from 1946 to 1991. The study concludes that over the course of the period in question, the Soviet leadership's position on PHFs underwent a transformation: while the late Stalinist era and Khrushchev's Thaw were marked by a nearly continuous offensive against subsidiary farming, from the Brezhnev era onward, such farms came to be viewed as

“allies” of collective production, with certain measures introduced to support them. Nevertheless, a significant proportion of collective farmers abandoned their PHFs, driven in part by the perceived possibility of a renewed repressive policy.

Keywords: agriculture, collective farm, personal house farming, Kaliningrad Oblast, microhistory

The author

Dr. Maksim V. Filev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4217-6197

E-mail: tsvachim03@mail.ru